

Урсула Кроубер Ле Гуин

«О́круг Малур»

«Malheur County»

Ursula Kroeber Le Guin

Editor: Alex.Ross.MA

Урсула Кроубер Ле Гуин

«Округ Малур»

Le Guin

“Malheur County”

1979 © Ursula Kroeber Le Guin

1979 © автор Урсула Кроубер Ле Гуин

1997 © переводчик А. Думеш

22.09.2017 © оформление Alex-Rus

22.09.2017 © редактор Alex.Rus.UA

Le Guin

РЕДАКТОР: ALEX.RUS.UA

COPYRIGHT © 1979 BY URSULA KROEBER Le Guin

Аннотация

Гениальная Урсула Кроубер Ле Гуин (Ursula Kroeber Le Guin) в своём небольшом рассказе 1979 года «Округ Малур» (в оригинале «Malheur County») глубоко размышляет на тему извечного одиночества и безнадёжной старости в контексте свободы выбора (печальный факт в том, что *«многие люди вообще никогда не становятся свободными»*) и соответственно достигнутого качества жизни, а заодно прямо напоминает о неизбежности смерти, причём рассматривается всё это с точки зрения мужской и женской удачливости.

Данное произведение категорически рекомендуется к прочтению лицам всех возрастов, полов, рас и уровней ментально-духовного развития, включая все возможные виды (анти)гуманоидов, (квази)рептилоидов и конкретно (не)определившихся. Его же можно использовать в качестве краткого образовательно-познавательного чтива в исправительно-воспитательных процедурах (*пренебреженно в добровольно-принудительном порядке*) для всех тяжело наркозависимых от сверхдоз «Подляпиных», по-RuSSia Today и прочих альтернативно одарённых проповедников истерично-суицидальных догматов «радиоактивного пепла»; равно как и ненавязчиво предлагать к ознакомлению любым патологически устойчивым мутантам массовой великокацапской селекции «homo soveticus», включая маниакально-великодуховных «гундяефилов» и параноидально-шизопатических «гейропофобов». Не будет оно лишним и для бесноватой когорты идолопоклонников всяческих мнимо «вечно живых» или, к сожалению, пока ещё действительно чрезмерно здоровых тиранов (с богомерзкими «погоняловыми» вроде Сталина и плюгавого «ла-ла ла-ла»), а именно великораболепных верноподданных «руSSкага міра» и даже, возможно, для некоторых (худобедно научившихся читать) фанатично-кровожадных апологетов «Третьего Рима», Рейха, Вавилона иже с ними...

22.09.2017 © Alex.Rus.UA AKA Alex-Rus¹

---

1 Редакция 22.09.2017 г. небольшого рассказа (см. 2) 1979 года «Округ Малур» (в оригинале «Malheur County», автор Урсула Кроубер Ле Гуин/Ursula Kroeber Le Guin, перевод 1997 г. А. Думеша) на основе текстового файла от 05.04.2001 г.. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

«Округ Малур»²

— Эдвард, — сказала тёща, — посмотри фактам в лицо. Ты не можешь убежать от этой жизни. Люди не позволят. Ты слишком хороший, слишком милый и даже симпатичный, хотя сам как будто этого не замечаешь. — Она перевела дыхание, а потом продолжила более холодно: — И мне всегда было интересно, замечала ли это Мэри.

Он молча сидел по другую сторону камина, съёжившись и обхватив себя огромными ручищами.

— Ты не можешь убежать от того, в чём даже не участвуешь! Ах, прости, — беспощадно добавила она.

Он улыбнулся, слегка захмелевший от выпитого пунша.

— Индейцы навахо, — продолжила она, — по-моему, не разрешают тёщам и зятям разговаривать друг с другом. Это *табу*. Причём весьма благоразумное. А мы так чертовски самонадеянны — никаких правил, никаких табу...

Седая полная женщина в возрасте за шестьдесят мрачно замолчала, выпрямившись в кресле у огня. Она вообще никогда не сутулилась. Сигарета в левой руке и стакан с виски в правой демонстрировали грубоватую натуру этой женщины, происходящей из порядочной, никогда не умевшей приспособливаться семьи. Семья эта покинула насиженное место в Западном Орегоне, округе Малур³, находящемся на самой границе бесплодных земель, и двинулась на запад, оставив позади сотни разорившихся ферм, самоубийства мужчин и⁴ младенческие могилы, разбросанные по всей территории от Огайо до побережья.

---

2 По неведомой причине данное произведение в доступном мне документе (текстовом файле, см. 1) называется «Malheur County» и переводится А. Думешем как некий «Округ Мэлхью». Конечно, можно допустить (ввиду отсутствия у меня англоязычного оригинала), что это некая дивная фантазия автора, однако куда более вероятно, что подразумевается крайне искажённое наименование местности в районе Malheur Lake, т. е. озера Малур — пресноводного заболоченного озера на юго-востоке штата Орегон (Oregon), в которое впадают реки Силвер (Silver River), Доннер (Donner River) и Блитцен (Blitzen River); оно слилось с оз. Харни (Harney Lake); национальный заповедник дикой природы Малур (Malheur National Wildlife Refuge), место остановки перелётных птиц. Таким образом всюду по тексту я всякое упоминание вариаций на тему великогомучного «Мэлхью» исправляю без детальных упоминаний и комментариев. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

3 См. 2. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

4 В оригинале запятая. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Конечно, Мэри знала, что ты *симпатичный*, — задумчиво продолжила она, — и *гордилась* этим. Но я никогда не замечала, что она получает массу удовольствия, находясь рядом с *таким* мужчиной. Не ты — Мэри, а *она тебе приносила настоящую радость*.

Ему было лишь двадцать семь лет. Наклонившись, чтобы бросить в огонь докуренную сигарету, Генриетта Аванти⁵ отвлеклась от потока бегущих мыслей и охвативших её эмоций, увидела лицо Эдварда, и все мысли тут же улетучились.

— Не сто́ит мне думать вслух, — сказала она, — я не хотела причинить тебе боль.

— Нет-нет. Всё в порядке, — успокаивающе произнёс он, повернув к женщине доброе, мрачное молодое лицо.

— Но я опять задела тебя. Ты чувствителен, а я нет. Ты одержим чувством вины, а я даже не знаю, что это такое.

И снова она тронула Эдварда за больное место; он нахмурился и заговорил:

— Нет, я *не одержим виной*, Генриетта. Я *не виноват*. Не виноват в том, что *выжил*. Только я не вижу в этом никакого смысла.

— *Смысл!* — Она сидела прямо, не двигаясь. — А смысла и нет.

— Знаю, — прошептал он, глядя в огонь.

Они довольно долго молчали. Генриетта думала о своей дочери Мэри, красивом, капризном ребёнке. «*Мама, это Эдвард*». И молодой человек, смотрящий на девушку с недоверчивой, восторженной страстью — о, это был он, единственный, кто смог отвлечь Генриетту от постоянного, неутихающего горя, вызванного смертью мужа, кто ещё раз показал ей с плоской равнины и бесплодной землёй невероятно высокие горы. Эдвард напомнил ей, что даже после всего пережитого в жизни есть нечто большее, чем способность терпеть и мириться с тем, как уходят дни и годы. К сожалению, Генриетта знала, что терпение — это её нормальное состояние. Она терпела бы всю жизнь, постепенно зачерствав и окаменев, если бы ей не посчастливилось выйти замуж за Джона Аванти, который научил её радоваться. Он умер, и Генриетта тут же провалилась обратно в терпение и никогда больше не познала бы удовольствия и восторга, если бы однажды вечером в дом не вошла её дочь, ведя за собой высокого парня с сияющим лицом: «*Мама, это Эдвард*».

— Может, ты не знаешь, — внезапно проговорила она. — Бессмысленность — это не для тебя. А для меня. Я рождена, чтобы вести бессмысленное существование, как мои родители и братья. По какой-то ошибке я попала в действительно *сто́ящую* жизнь, жизнь, в которой есть смысл. Как раз в такую жизнь, для которой рождён ты. А потом ты — *ты*, а не

---

5 «Говорящая» фамилия: в переводе с итальянского *avanti* — вперёд; (о месте) перед, впереди; (о времени) до, перед, раньше, прежде, до этого времени. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

кто-нибудь другой, столкнулся с этим ужасом, с пьяным на шоссе, с ненужностью и бессмысленностью, когда тебе исполнилось всего лишь двадцать пять. Без сомнения, произошла ещё одна ошибка. Но это неважно, Эдвард. Смерть Мэри не является самым важным событием в твоей жизни. И ты смалодушничает, если признаешь её важной, примешь бессмысленность.

— Возможно, — ответил он. — Но дело в том, Генриетта, что в последнее время я чувствую, что дошёл до точки.

Генриетта была напугана болью Эдварда, его неуверенностью в себе. Она не много знала о боли, в её жизни встречались только страдания, терпимые, бесконечные, но не разрушающие муки. Она попыталась настроиться на более оптимистический лад, сказав: *«Что ж, точка — это всегда начало следующего предложения...»* Слёзы — вот чего боялась Генриетта. Дважды здесь, в этой комнате, Эдвард не выдерживал и плакал, первый раз — когда вернулся из госпиталя после аварии, а потом — несколько месяцев спустя. Она боялась этих слёз, хотя знала, что слёзы *помогают справляться с болью*. Но при виде плачущего мужчины Генриетта начинала жалеть себя. Когда Эдвард внезапно поднялся с низкого каминного кресла, она вся напряглась, ожидая чего-то плохого.

— Я хочу ещё выпить. А ты? — только и сказал он, а затем взял стаканы и пошёл на кухню.

В этот момент часы на каминной полке мрачно пробили *полночь*, тем самым возвестив, что *окончился октябрь и начался ноябрь*. Они прожили ещё месяц. Генриетта сидела у огня, а Эдвард открывал на кухне буфет: обоим тепло, оба выпили хорошего бурбона — и ещё была Мэри, умершая восемнадцать месяцев назад. *«Может, я безжалостная и суровая женщина, если даже ни разу по-настоящему не плакала, когда умер мой ребёнок? Если бы она умерла прежде,⁶ чем Джон, я бы плакала по ней»*, — подумала Генриетта.

Эдвард вернулся, сел и вытянул ноги.

— Я пытался... — произнёс он так спокойно и серьёзно, что Генриетта забыла все свои страхи и попыталась понять, что он имеет в виду. Эдвард был искренним, но молчаливым, а его мысль, тренированная неизменными правилами и формулами химии, неотступно следовала логике даже там, где её и в помине не было. — Я честно пытался, — повторил он и вновь замолчал, скрестил ноги, задумчиво отхлебнул из стакана и наконец продолжил: — Техник в медицинском отделении,⁷ Элинор Шнейдер⁸. Довольно

6 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

7 В оригинале точка вместо запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

8 В оригинале так и было «Шнейдер» (далее всюду по тексту не исправляю эту неправильную транскрипцию и отдельно не комментирую), хотя явно подразумевается фамилия немецкого происхождения Schneider, т. е. Шнайдер. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

привлекательная блондинка, очень умная. Моя ровесница. («Старше», — подумала Генриетта). Ну,⁹ и... — Эдвард замолчал и усмехнулся, подняв стакан. — Я *пытался*.

— Что?

— *Заинтересоваться*.

Бедная Элинор Шнейдер, теперь, наверное, специально обходит Эдварда стороной, едва завидев его хмурое, тёмное лицо. *Боль заставляет человека концентрироваться на собственной особе*.

— Я полагаю, лаборатория — *подходящее место для экспериментов*... — Генриетта слегка вздохнула.

— В любом случае это была попытка вновь соединиться с жизнью, или называй это как угодно. Но не сработало. Я не смог. И не хотел. Я знаю, ты считаешь меня *слабым*.

— Тебя? Конечно, нет. А если бы и да, что тогда? Ты лучше знаешь себя.

— Нет, Генриетта, не знаю. Ты действительно первый человек, который много знает обо мне. Чтобы судить объективно. Родители... — Родители Эдварда развелись, когда он был ещё маленьким, и постоянно перекидывали бедного ребёнка от отца с женой к матери с мужем — *дитя раздора*. Эдвард отогнал неприятные воспоминания и добавил: — А мы с Мэри в некотором смысле вообще ничего друг о друге не знали.

— Ты был очень молод.

— Мы просто *не успели*, — ясно и тихо проговорил Эдвард, и в этой короткой фразе выразилось всё:¹⁰ *его боль, тоска и сожаление о том, что ничего нельзя вернуть*.

Генриетта сидела неподвижно, с отрешённым видом, стараясь не вдумываться в услышанное.

— Поэтому, — он продолжал рассуждать логически, — в тебе я вижу первое ясное отражение самого себя. И оно выглядит *слабым*.

— Ты смотришь в *старое* зеркало, которое искажает отражение.

— Нет, ты судишь о людях очень справедливо.

— Хочешь знать, *каким* я вижу тебя на самом деле? — строго спросила она, разгорячённая двумя стаканами непривычно крепкого напитка. Эдвард хотел. — Светлым и удачливым человеком. — Генриетта старательно подбирала слова. — Не везучим, а *удачливым*. Удача никогда не сопутствовала тебе. И всё же ты был удачливым. Ты рано обрёл свободу, слишком рано, а ведь *многие люди вообще никогда не становятся свободными*. Ты познал настоящую страсть, настоящие свершения — и

---

9 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

10 В оригинале тире вместо двоеточия. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

ни одного разочарования. Ты никогда не познаешь разочарования, отчаяния. Ты пришёл в зрелость свободным, и дальше пойдёшь свободным или... — Но «или» завело её слишком далеко. Если бы она была моложе, ровесницей Эдварда, то могла бы закончить: «или покончишь с собой». Но люди разных поколений не должны говорить о смерти. О мёртвых — да, об умирающих — тоже, но о смерти — нет. «Это табу», — сказала себе Генриетта, испытывая отвращение ко всему сказанному. Эдвард же выглядел довольным и заинтригованным; он размышлял об услышанном.

— Да, и что касается Элинор, — сказал он, — этой девушки из лаборатории. Она любит детей. Я всегда думаю об Энди.

— С Энди я справлюсь сама, с ним всё будет в порядке. Никто не просит тебя жениться на няне. Боже упаси!

Эдвард облегчённо вздохнул. Но через несколько минут, сквозь сонливость и расслабленность, навеванные виски, Генриетта почувствовала, что он снова думает об Элинор.

— Когда я сказала, что ты поймёшь, что не можешь убежать, не можешь освободиться, отсоединиться, знаешь, я просто хотела тебя *предупредить*. Ты сейчас очень уязвим. Можешь попасть в ловушку. А я не хочу этого. — «Хватит того, что ты побывал в сетях у Мэри», — подумала она. Генриетта считала, что её дочь вышла замуж больше из желания самоутвердиться или даже от зависти, чем по любви. Она знала, что в душе Мэри под приятной мягкой живостью и итальянским изяществом таится унаследованная от матери разрушительная, пагубная черта характера — *беспомощность, бессмысленность*, которая привела их всех в конце концов в округ Малур¹¹. Генриетта так и не смогла поплакать о Мэри, никогда не осуждала её — и опять с горечью, как и раньше, подумала, что *ранняя смерть Мэри свидетельствует об удачливости любившего её мужчины*.

— Ты портишь меня, Генриетта, — сказал молодой человек, приведённый в замешательство результатами своих размышлений.

— Конечно. Но я не порчу твоего сына. Я знаю *разницу между неиспорченностью и просто невинностью*. — Она коротко рассмеялась, испытывая удовольствие от произнесения столь сложного изречения. — Я становлюсь многословной — всё, пойду спать. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, — *неохотно* ответил Эдвард, когда Генриетта пошла к лестнице, *так неохотно*, словно хотел удержать её. Как будто хотел, чтобы его снова предупредили об «*отсоединении*». Он никогда, даже когда ему было очень больно, не убегал от самого себя и всегда заботился о тех, кому нужен. Всё, что у него осталось, — это ребёнок и старая женщина, которых он любил всей душой. И им вдвоём было хорошо друг с другом. «По крайней мере,¹² я — *хорошая защита от дурных мыслей*», — подумала Генриетта с гордостью.

11 См. 2. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

12 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

С тех пор как четыре года назад умер её муж, она не спала нормально ни одной ночи. Половину тёмной части суток она бодрствовала и читала и часто вставала ещё до того, как просыпался ребёнок. Генриетта помнила, как её мать, уже в пожилом возрасте, молча сидела на кухне, освещённой керосиновой лампой, и смотрела в окно на огромное небо, тускнеющее над заросшей полынью равниной. Но в этот вечер Генриетта заснула сразу же, на всю ночь, провалившись в омут сновидений. Ей снилось, что кто-то умер — точно неизвестно,¹³ кто,¹⁴ и неизвестно, умирает ли он или уже умер, — и в конце концов в каком-то незнакомом летнем домике, стоящем в саду, она нашла кого-то, съёжившегося на полу, одна длинная рука откинута в сторону, но это оказался всего лишь пустой рукав серого пиджака. В ужасе убежала она в другой, давний кошмарный сон, виденный лет пятьдесят назад, в котором нечто сверкающее гонялось за ней по пустыне. Наконец,¹⁵ солнечный свет пролился на стены комнаты и разбудил её, не развеяв ночные страхи. Генриетта в душе пыталась отрицать, что боится за Эдварда, но за завтраком вела себя с ним довольно беспощадно. Всё утро она делала в доме уборку, оставив ребёнка играть одного, пытаясь забить страх работой прежде, чем её сознание решит, что действительно стоит чего-то бояться.

Ребёнок не мог всё время оставаться в одиночестве. Ему было два года. И он походил на маленького шимпанзе; физическая красота родителей утратилась, смешавшись в ребёнке. Малыш был задумчивым и любознательным.

— Ген, Ген, Ген! — закричал он и вошёл, покачиваясь, на кухню. — Моко! Моко!

— До обеда ничего не получишь, — ответила ему Генриетта.

Мальчик улыбнулся и пристально посмотрел вверх мудрыми обезьяньими глазками.

— Моко? Песенье? Ябоко?

— Ничего до обеда, ты, прожорливое брюшко, — строго ответила бабушка.

— Ген, Ген! — залепетал ребёнок, крепко обнимая её ногу.

Он был любящим ребёнком, очень милым ребёнком. В полдень Генриетта бросила все домашние дела и пошла вместе с мальчиком вниз по холму в парк. И там, в розовом саду, полном последних лимонных, чайных, золотистых, бронзовых и малиновых роз, она бродила за ребёнком, который крича бегал по дорожкам между колючими благоухающими кустами, освещёнными осенним солнцем.

---

13 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

14 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

15 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Эдвард Мейер сидел в машине и смотрел сквозь огни Беркли и чёрную, поблёскивающую бухту на Золотые Ворота, тускло мерцающие в центре огромной панорамы света и темноты. Над машиной шелестели эвкалипты, листьями которых играл северный ветер, зимний ветер. Эдвард потянулся.

— Чёрт, — сказал он.

— Что случилось? — спросила сидящая рядом женщина.

— Что ты видишь *там*, внизу? Что значит для тебя *это* место, *этот* город?

— Всё, что мне надо в этой жизни.

— Извини, — пробормотал он и взял её руки в свои.

Они замолчали. В молчании проявлялось всё изящество и мягкость Элинора. Он пил из этой женщины спокойствие, словно воду из ручья. Дул холодный, сухой январский ветер. Внизу, вокруг бухты, пересечённой множеством мостов, расстилались городá.

Эдвард зажжёт сигарету.

— Так нечестно, — промурлыкала Элинора. Недавно она в пятый или шестой раз попыталась бросить курить. Она никогда ни в чём не была уверена до конца, послушная и тихая, принимающая то, что есть. Эдвард передал ей зажжённую сигарету. Она слегка вздохнула и закурила.

— Это *правильная* мысль, — сказал он.

— В настоящий момент.

— Но зачем останавливаться на полпути?

— Мы не останавливаемся. Просто ждём.

— Ждём *чего*? Пока моя психика не придёт в норму и ты не будешь уверена, что на меня не оказывают давление, и всё в этом роде? Тем временем мы занимаемся любовью в машине, потому что ты живёшь с подружкой, а я — с тещей, и не едем в мотель, потому что *ждём* — но только всё это *неправда*. Всё это *нелогично*.

Услышав *такие* слова, Элинора вдруг тихо, тяжело *всхлипнула*. Нервное раздражение Эдварда переросло в тревогу, но женщина отодвинулась от него, не пожелав его успокаивать. Раньше она никогда ни в чём не отказывала ему. Эдвард попытался извиниться, объяснить.

— Пожалуйста, отвези меня домой, — попросила она и затем всё время, пока машина ехала по крутым улицам от пика Гризли в Южный Беркли, сидела молча.

Эта тишина действовала Эдварду на нервы, он чувствовал себя совсем *беззащитным*. Элинор выскочила из машины, прежде чем та полностью остановилась перед её домом, и, шепнув «*спокойной нóчи*», убежала. Эдвард сидел в автомобиле смущённый, озадаченный и чувствовал себя полным дураком. Он завёл машину, и вместе с шумом работающего мотора рос его гнев.

Когда через десять минут он добрался домой, то был совершенно зол. Сидящая у камина Генриетта на мгновение оторвалась от книги и удивлённо посмотрела на зятя.

— Ну-ну, — сказала она.

— Вот тебе и ну, — ответил он.

— Прости, — сказала Генриетта, — я должна дочитать главу.

Эдвард сел, вытянул нóги и уставился на огонь. Он был ужасно зол на Элинор за её слабость, упрямство, нерешительность, колебания, привычку приспособливаться. А здесь, слава Богу, сидела Генриетта — сидела, словно камень, словно дуб, дочитывая главу книги. Если даже произойдёт землетрясение и дом рухнет, Генриетта постелет¹⁶ ребёнку кровать, разожжёт камин и закончит читать главу. Неудивительно, что Элинор до сих пор не замужем, у неё нет характера. Эдвард всё ещё злился, полный самооправданий, разомлевший от сексуального удовлетворения, которое дала ему Элинор, готовый к ещё большему гневу, большей страсти и свершённости. И счастливый впервые за два гóда. Генриетта захлопнула книгу.

— Стаканчик на ночь? — спросил он.

— Нет. Я иду спать. — Она встала прямая, невысокая, непоколебимая.

Эдвард посмотрел на тёщу с восхищением.

— Ты выглядишь *грандиозно*, — сказал он.

— Ого, — ответила она, — что ещё придумаешь? Спокойной нóчи, дорогóй.

Генриетта *простудилась*. Обычно она простужалась в апреле. Простуда проникала ей в грудь, всё внутри болело и при кашле громыhalo, как трактор. В конце концов Генриетта добралась до телефона и попросила старушку Джоан *прийти и присмотреть за Энди*.

— Я сегодня не в состоянии бегать за ребёнком, — прохрипела она, когда Эдвард пришёл домой и удивился увиденному.

---

16 В оригинале великомогучее «постелит». (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Затем Генриетта вернулась в постель и лежала, проклиная себя за то, что пожаловалась. *Никогда нельзя жаловаться мужчинам. Женщины,¹⁷ по крайней мере,¹⁸ знают, для чего люди жалуются, — это помогает справляться с трудностями,* но Эдвард поймёт всё иначе, подумает, что *нельзя просить шестидесятидвухлетнюю женщину целый день присматривать за ребёнком.* И теперь, что бы Генриетта ни сказала или ни сделала, эта мысль прочно засядет Эдварду в голову. И у неё *заберут ребёнка.* Постепенно или сразу она потеряет малыша, сына, которого ей всегда так не хватало и которому она была лучшей матерью, чем собственным дочерям. А ей так необходимо это маленькое обезьянье личико, песня по утрам, рубашки, которые надо гладить, маленькие машинки и разбросанные журналы по химии, и ежедневное и еженощное присутствие сына, мужчины, мужчины утраченного дома — да, *утраченного — и утраченной жизни.*

Когда Эдвард вошёл, Генриетта даже не повернулась к нему. Лежала мрачная, больная до мозга костей.

— Послушай, — сказал он. — Энди расплескал молоко и бросил яйцо на пол. Слышишь, *как он зовёт Ген?* — Действительно, снизу раздавались громкие театральные вопли. — Если ты не выздоровеешь за день или два, придётся послать его в исправительную школу.

— Я собираюсь поправиться завтра, — всё ещё мрачно сказала Генриетта. Но на душе у неё полегчало. Доброта Эдварда всегда попадала в точку — вроде бы небрежно, не специально, но он *всегда попадал в точку.*

— Терпеть не могу валяться в постели, — чуть помолчав, произнесла она.

— Знаю. Ты не очень хорошо справляешься со всякими болячками. Слушай, я попросил людей, которых пригласил на пятницу, отложить визит на неделю.

— Ерунда, послезавтра я встану на ноги. А твой друг, игрок в шашки, придёт?

— Да, — рассмеялся Эдвард, — наверное, он хочет снова потерпеть поражение. — Как-то Генриетта прослышала про молодого парня из Филадельфии, который хвастался, что *с пятнадцати лет ни разу не проиграл в шашки,* пригласила его в гости и *выиграла у него шесть раз подряд.*

— Я мстительная женщина, Эдвард. — Она лежала неподвижно, волосы её разметались по подушке.

— А ему всё равно — он просто пытается *понять твой метод игры.*

— Не люблю хвастунишек. — В Генриетте заговорил округ Малур¹⁹, край безнадёжности, место, из которого бессмысленно пытаться убежать. — Все мы дураки, тут и хвастаться нечего, — твёрдо и безнадёжно продолжила она.

17 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

18 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

19 См. 2. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Как насчёт стаканчика перед ужином?

— Да, я бы не отказалась от в́иски с горячей водой. Но никакого ужина — не могу есть, когда болею. Принеси мне горячий пунш и «Домби и сына»²⁰, хорошо? Я как раз начала читать эту книгу.

— Сколько раз ты уже её читала?

— Ну,²¹ не знаю. Каждые несколько лет, с тех пор как мне исполнилось двенадцать. И положи бедного ребёнка спать, Эдвард, он не привык к Джоан.

— Меня она тоже пугает, — усмехнулся он.

— Да, это она может, её не возьмёшь ни обаянием, ни убеждением. Мы с ней договорились, — продолжила Генриетта, повинувшись внезапному порыву, — что, когда ты с Энди уедешь, Джоан переселится ко мне, если не передумает до тех пор. Она уже не в состоянии следить за домом, муж умер, а сын плавает по морям. Мы сумеем поладить.

Эдвард настороженно молчал. Генриетта посмотрела на него, уязвимого и величественного молодого человека, чья высокая фигура заполняла и оживляла весь дом.

— Не смотри так удивлённо, — сказала она с мягкой иронией, — должна же я думать о будущем. А теперь иди и принеси мне в́иски, а то у меня глётка,²² как наждачная бумага.

Сделать Эдварда свободным — вот её главная задача. И она справлялась с этой задачей. Будучи матерью двух дочерей, Генриетта не знала, должна девушка быть свободной или нет, и потому из-за этих постоянных колебаний Роза получилась слабохарактерной, а Мэри — избалованной. Но с мальчиками такие вопросы не возникали, мальчики должны быть храбрыми, а потому нуждаются в свободе. Главное для девочки — умение терпеть, хотя Генриетта не очень была в этом уверена. По крайней мере,²³ сама она слишком нетерпелива — это касалось не жажды удовольствий и желания обладать, которые переполняли Мэри, но свершения, законченности событий и желаний: безнадёжная и нетерпеливая.

Генриетта с удовольствием провела ночь и день в постели, развлекаясь Диккенсом, слушая дождь за окном и ужасные, длинные методистские гимны, которые Джоан распевала на кухне. В четверг Генриетта поднялась весьма бодрая, постирала и выгладила все занавески из спальни и прополола клумбу ириса, овеваемая свежим апрельским ветром, в то время как ребёнок исследовал свежую мокрую грязь и нашёл дождевого червя. В пятницу вечером пришли друзья Эдварда: две супружеские пары, Том — специалист

20 Подразумевается роман «Домби и сын» («Dombey and Son», 1848 г.), в центре которого — образ жестокого собственника, написанный всемирно известным английским писателем Чарлзом Диккенсом, Charles Dickens (07.02.1812 г., Лендпорт, близ Портсмута, — 09.06.1870 г., Гейдизхилл). (прим. ред. Alex.Rus.UA)

21 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

22 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

23 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

по шашкам, у которого она дважды выиграла и один раз нечаянно проиграла, и невысокая милая женщина по имени Элино́р. *Элино́р...* Что Генриетта недавно, совсем недавно слышала об Элино́р? Женщина была привлекательна, с пышными великолепными волосами и спокойным, словно вода в бассейне, лицом. И она *смотрела* на Эдварда. *Вода в лучах солнца. О великолепие, невероятная яркость настоящего солнца, невероятные высоты.*

— Мне всегда не слишком везёт, когда я играю чёрными, — неловко проиграв, сказала Генриетта. — Но всё равно согласитесь, мистер Харрис, я удерживаю позиции.

И молодой Том Харрис, ужасаясь, что обыграл хозяйку дома, извинялся, коверкая слова своим жутким западным акцентом, до тех пор, пока Генриетта не начала смеяться. Он искренне считал её прекрасной пожилой женщиной, дочерью первых поселенцев, и если бы она сказала, что училась играть в шашки у самого Чифа Жозефа²⁴, он бы поверил. Но на самом деле Генриетта всё время наблюдала за Элино́р.

Она *некрасивая*. Застенчивая, часто терпящая поражение, около тридцати. О да, зато *терпеливая*, терпеливая женщина, обладающая таким страстным, разумным терпением, что *умеет ждать*, ждать десять лет, ждать не удачного прорыва, а известного, предвиденного *свершения*. Одна из *удачливых*, которые знают преимущество, знают, в чём смысл. «*Но и в этом тоже должна сопутствовать удача!*» — закричала в душе Генриетта. — *Можно прождать всю жизнь, и всё пройдёт мимо!*» Но Элино́р была похожа на Эдварда — одна из *удачливых*. Такие не спешат, такие всегда спокойны. Берут то, что приходит, и получают ответ, когда спрашивают. Такие люди видели высокие горы, и даже трагедии полезны для них. Эдвард встретил себе ровню, пару, свою половину.

Генриетта не пошла наверх, пока не поболтала немного с Элино́р. Каждая из женщин чувствовала искреннюю попытку другой продемонстрировать расположение, предложить искреннюю дружбу, и хотя они сразу не смогли принять друг друга, но симпатии зародились. Довольная собой, в десять Генриетта пошла наверх. Надев халат, она пересекла комнату, чтобы посмотреть на фотографию мужа, живое смуглое лицо Джона Аванти в тридцать лет, когда они познакомились. Как всегда, при виде фотографии сердце Генриетты забилося быстрее. Джон сильно повлиял на неё, изменил её жизнь и потому жил в её сердце. Генриетта часто с ним разговаривала. «*Ну, Джон, — подумала она, — вот я снова продвигаюсь дальше*». Она легла в постель, закончила читать «Домби и сына», послушала тихие весёлые звуки голосов, доносящиеся снизу, и заснула.

24 Chief Joseph, Чиф Жозеф, вождь Жозеф (примерно 1840-1904 гг.) — вождь (индейское имя Инмуттуйялатлат, Inmuttooyahlatlat) индейского племени нез-персэ (Nez Percé, дословно с французского «проколотый нос»), который противостоял попыткам правительства США (US government) переселить его народ из штата Орегон (Oregon) до тех пор, пока не был захвачен в плен в 1877 г.. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Генриетта проснулась очень рано, в серой предрассветной мгле, зная, что она потеряла. Теперь они *уйдут*, через год или чуть больше, ребёнок и мужчина, а вместе с ними её покинут все радости, опасности, свершения. Даже после смерти Джона она не чувствовала себя одиноко, но теперь останется одна, *совершенно одна*. Больше ей не надо быть нетерпеливой. Даже это изнуряет в конце концов. Она всё сделала правильно, *выполнила свою задачу*. Но это оказалось *бессмысленным*, бессмысленным для неё. Всё, что теперь остаётся, — терпеть эту жизнь, мириться с уходящими днями и годами. Она добралась до сути вещей, пришла наконец туда, куда приходят все люди. Седая, освещённая предрассветными сумерками, Генриетта села на кровати и громко *заплакала*.

1979 © Урсула Кроубер Ле Гуин

ИНФОРМАЦИЯ О КНИГЕ:

«Округ Малур» Урсула Кроубер Ле Гуин
«Malheur County» Ursula Kroeber Le Guin
1979 © Ursula Kroeber Le Guin/Урсула Кроубер Ле Гуин
editor: Alex.Rus.UA AKA Alex-Rus

Авторство документа:	Alex.Rus.UA AKA Alex-Rus
Редакция и оформление:	22.09.2017
Время редактирования:	00:42:35
Количество сохранений:	17

Общее количество страниц:	18
Общее количество абзацев:	194
Общее количество слов:	4755
Общее количество символов:	30533

Copyright © 1979 by Ursula Kroeber Le Guin

Copyright © 1997 by А. Думеш (перевод)

*Copyright © 22.09.2017
by Alex.Rus.UA AKA Alex-Rus*

Le Guin